
Евгения Иванова

МОСКВА

ПРЕДАНИЕ И ФАКТ В СУДЬБЕ «АРХИПЕЛАГА ГУЛАГА»

Тема выступления подсказана соображениями отчасти полемического характера. Несколько лет работая в одном отделе с покойным ныне Вадимом Валериановичем Кожинным, я неоднократно выслушивала его высказывания в адрес Солженицына, в которых он, я уверена, из самых лучших побуждений пробовал внести уточнения в «Архипелаг ГУЛаг»: чаще всего оказывались завышенными статистические сведения, иногда, впрочем, дело касалось и оценок сталинской системы в целом. Перечитав статьи Кожинного последних лет, я следы этой критики обнаружила только в одном из интервью. На вопрос Виктора Кожемяко по поводу статистических данных в «Архипелаге» Вадим Валерианович отвечал: «Не хочется об этом даже говорить...» «Вы имеете в виду, — участливо, даже с состраданием переспросил Кожемяко, — что там есть некое преувеличение?» Кожинный ответил почти безнадежно: «Да не некое — громадное»¹.

По части статистических выкладок в последние годы жизни В.В.Кожинный накопил огромную эрудицию, в которой было что-то даже угнетающее. Но при всей аксиоматичности утверждения, что «статистика знает всё», размеры расхождений в ней при различных методиках исчислений бывают удивительные, касаются ли они жертв Второй мировой войны или подсчета голосов избирателей. Как ни странно, но статистика, вопреки репутации точной науки, требует безоговорочной веры в тот метод, с помощью которого производятся исчисления, и игнорирования всех других. В итоге получается, что к статистике вполне приложимы слова старца Луки из горьковской пьесы: «Во что веришь, то и истина».

Может быть, потому, что я чужда статистиковеерия, эти поправки и вызывали протест. Первый довод, который сразу приходил на ум, — легко сегодня уточнять, когда публикуются источники, как западные, так и отечественные. Из истории создания «Архипелага ГУЛага» мы знаем,

как добывал свои сведения Солженицын, какого труда стоило ему собирать информацию о ГУЛАГе и каким опасностям подвергался он, прежде чем донести накопленные сведения до всего мира. Но здесь встаёт принципиальный вопрос: сегодня, когда многие архивы открыты для исследований, когда издан справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960» (М., 1998), где содержатся гораздо более достоверные сведения по истории ГУЛАГа, наше отношение к произведению Солженицына должно измениться? Превращают ли написанные за эти годы труды по истории созданной большевиками пенитенциарной системы книгу Солженицына в некоторый публицистический черновик для подлинной истории, созданной уже на основе изучения открывшихся источников? Тем более что после выезда на Запад Солженицын вносил дополнения и исправления фактического характера в опубликованный текст «Архипелага ГУЛага», о чём он писал в книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»: «...к “Архипелагу” мне за границей слали и слали дополнения, многое хотелось внести, — но и, наконец же, на каком-то рубеже остановиться, так и конца не будет»². Как расценивать это и подобные признания: что же, будь у писателя силы и время, «Архипелаг ГУЛаг» мог бы пополняться и до наших дней?

Вот этого уж совсем не хотелось, а главное — никакие указания на неточности не влияли на читательское ощущение от самой книги, которая для всего человечества продолжает оставаться самым достоверным свидетельством о трагических судьбах миллионов невинных людей, несмотря на огромную библиотеку написанного о них за последние годы. В чём же дело? Может быть, в особой жанровой природе «Архипелага ГУЛага», которую автор определил как «опыт художественного исследования». В интервью с Никитой Алексеевичем Струве Солженицын эту жанровую природу объяснил так: «Это такое использование фактического (не преобразённого) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединённых, однако, возможностями художника, — общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном»³.

Убедительность достигается за счёт художественности, «фактический (не преобразённый) жизненный материал» допускает исправления и уточнения, и при этом остаётся, в определении Солженицына, главным, а «художественное» при таком понимании тождественно доказательному. Противоречия этих аттестаций очевидны, и исследования Элизабет Маркштайн⁴ и Андрея Ранчина⁵ повествовательной структуры и художественных особенностей «Архипелага ГУЛага» только запутывают дело, переключая внимание на художественные приёмы, с помощью

которых, по их мнению, достигается убедительность. Художественные приёмы в данном случае вещь обоюдоострая — они способны вносить абберрации, деформировать фактический материал по желанию писателя. Получается некий заколдованный круг, единственный выход из которого подсказывается уникальной ситуацией, в которой рождалась особая жанровая природа «Архипелага ГУЛага».

Перед нами прежде всего повествование историческое, претендующее на освещение одной из самых трагических страниц в истории России XX века. Любая история складывалась по определённой схеме. Сначала она существовала в виде преданий, которые в разных культурах фиксировались по-разному, — в некоторых культурах в виде предания или эпоса (например, русские летописи, европейские хроники, исландские и ирландские саги и т.п.), которые на разной стадии своего устного существования закреплялись в письменных источниках. На основе критического их осмысления и привлечения других источников создавалась история. Летописец и историк при этом не только отстояли друг друга во времени, но решали разные задачи: летописец закреплял предание⁶. Напротив, историк критически изучал и перерабатывал источники, привлекая другие доступные материалы (легенды, сказки, данные археологических раскопок и тому подобные сведения), и уже на их основе строил некоторую концепцию происходившего. Так создавалась, например, «История» Карамзина, написанная по летописям, позднее оказавшимся утраченными. И наконец, писатели и публицисты использовали труд историков в своих, иногда даже агитационных целях, как использовал их, например, Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», как используют их и до нынешнего дня, подтверждая ссылками на факты, почерпнутые у историков, самые разнообразные концепции.

Но в силу исторических обстоятельств Солженицын все эти три роли применительно к истории ГУЛАГа исполнил один. Сначала он собирал то, что можно назвать здесь преданием, что должна бы зафиксировать лагерная летопись. О поездках по стране, о встречах с узниками ГУЛАГа Солженицын рассказывал неоднократно. Но он не удовлетворился фиксацией этого материала; цели, которые он преследовал, были не совсем такие, как у летописца Пимена. Поэтому он взял на себя и труд составления истории ГУЛАГа, присовокупляя к записанным устным преданиям доступные документальные источники, занимаясь критическим сопоставлением воспоминаний разных лиц и т.п., и здесь он уже выступал в роли историка. И наконец, готовясь донести эту историю до сознания человечества, он сгруппировал и изложил накопленный материал со всем доступным ему писательским мастерством, с полным

осознанием собственной ответственности и долга: так появилась публицистическая составляющая «Архипелага ГУЛага», делающая его произведением художественным в самом высоком смысле этого слова. Время и исключительная историческая миссия этой книги позволили соединиться воедино жанрам, которые обычно существуют в культуре порознь, и соединиться в новом для литературы жанре, который мы бы назвали историческим свидетельством, обвинительной речью на суде истории и публицистическим обращением *urbi et orbi* от лица безмолвно сошедших в могилу жертв. И хотя отдельные смысловые части этого повествования имеют разную жанровую природу, все вместе они доносят единую правду — правду свидетельства.

В силу этого факт как таковой обладает здесь особым статусом, его задача донести главную правду свидетельства, но в то же время факт допускает проверку и уточнение, которые выходят за рамки его задачи. Возьмём, к примеру, небольшой отрывок из главы 4 «Несколько судеб», посвящённый о. Павлу Флоренскому, по авторской оценке, «может быть, одного из самых замечательных людей, проглоченных Архипелагом навсегда»⁷. Прочитируем этот отрывок почти полностью.

«Сведущие люди говорят о нём, что это был для XX века редкий учёный — профессионально владевший множеством областей знаний. По образованию математик, он в юности испытал глубокое религиозное потрясение, стал священником. Книга его молодости “Столп и Утверждение Истины” только сейчас получает достойную оценку. <...> Тюремный путь его известен мне лишь несколькими точками, которые ставлю я неуверенно: сибирская ссылка (в ссылке писал работы и публиковал под чужим именем в трудах Сибирской экспедиции Академии Наук), Соловки (кажется, создал там бригаду по добыванию йода из водорослей), после их ликвидации — Крайний Север и Колыма. И там занимался флорой и минералами (это — сверх работы киркой). Не известно ни место, ни время его гибели в лагере. (Есть слух, что он умер в 1938 на Колыме на прииске “Пятилетка”. Есть и такой, что до Колымы он не доплыл, потонул на одном из кораблей.)»⁸

В момент создания «Архипелага ГУЛага» не было известно многое, что мы знаем сегодня, например точная дата расстрела о. Павла Флоренского, — это произошло 8 декабря 1937 года, при ликвидации Соловецкого лагеря. Ни на какой Колыме он не успел побывать — но, как обычно, родным в конце 1937 года объявили, что он осуждён повторно на 10 лет без права переписки, и до 1946 года жена с помощью Е.П.Пешковой продолжала разыскивать его по лагерям. Потом, уже в 60-е годы, была выдана справка о его смерти в 1943 году, и только в конце 80-х род-

ным сообщили настоящую дату расстрела, но место расстрела, кстати, уточняется до сих пор стараниями петербургского историка А.Я.Разумова. Период пребывания в Соловецком лагере известен достаточно точно: в четвёртом томе сочинений Флоренского опубликованы его письма к родным с Соловков, опубликованы также воспоминания некоторых сосидельцев, и среди них Юрия Чиркова⁹, где описывается, как закрывался Соловецкий лагерь и каковы были судьбы его заключённых. Более того, опубликовано следственное дело о. Павла, где благодаря доносам стукача зафиксированы его последние разговоры...

Сравнивая всё то, что стало известно сегодня о пребывании Флоренского на Соловках, с тем, что записал Солженицын, ясно, что перед нами легенда, сохранившееся в памяти соловчан предание, где факты, вымыслы и домыслы переплетаются и создают нерасторжимое целое. Сегодня мы располагаем возможностями отделить одно от другого. Следует ли из этого делать вывод, что эту главу нужно переписать на основе новых данных либо в примечаниях отсылать к достоверным источникам по биографии о. Павла? Но первый, кто воспротивился бы такому переписыванию, был как раз сам Флоренский, который писал: «Легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда — это очищенная в горниле времени ото всего случайного, просветлённая художественно до идеи, возведённая в тип сама действительность. “Легенда — живое предание, почти всегда более истинное, чем то, что мы называем историей”, — по слову Августина Тьерри. Легенда — это и есть история по преимуществу, ибо “поэзия ближе к философии и содержательнее, нежели история”, как свидетельствовал и трезвейший из философов, отец современной науки, Аристотель»¹⁰.

То есть, с точки зрения самого о. Павла, записанный Солженицыным рассказ о нём есть нечто большее, чем рассказ, составленный на строго фактической основе, потому что в нём содержится то самое «очищенное в горниле времени от всего случайного и просветлённое до идеи» предание о Флоренском, которое сложилось вокруг него и сохранилось в изустных лагерных преданиях и которое позволяет увидеть его таким, каким запечатлелся он в сознании туземцев Архипелага. И никакая самая точная и достоверная биография не может восприниматься как опровержение или уточнение, потому что предание передаёт нечто более важное — *смысл* его судьбы. Даже пребывание на Колыме и Крайнем Севере попало неслучайно — в лагере пос. Сусуман Магаданской области погиб младший брат о. Павла — Александр, и легенда расширяет свои границы до рассказа о судьбе рода Флоренских.

Вот почему столь беспомощными оказались усилия М.Розанова по развенчанию соловецких легенд (см. его исследование «Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 годы. Факты. Домыслы. “Параши”. Обзор воспоминаний соловчан соловчанами в двух книгах»; издание автора. 1979–1980; в 1987 году был издан третий, дополнительный том). В предисловии к своей книге, изданной на скудные пенсионные сбережения, М.Розанов писал о Солженицыне: «Отдавая должное сизифову труду и таланту писателя, мы тем не менее в интересах исторической правды должны отметить, что в главе 2-го тома (“Архипелаг ГУЛага”. — *Е.И.*), описывая обстановку Соловецкого концлагеря первого десятилетия, он невольно допустил ряд ошибок, художественно передав то, что вычитал из воспоминаний и услышал от живых соловчан. Очень трудно даже талантливым пером описать концлагерь 20-х годов, когда и состав заключённых, и моральный облик их, и многое другое мало походило на то, с чем столкнулся лицом к лицу и среди чего жил Солженицын в режиме Особлага»¹¹.

Розанов, тщательно собрав все воспоминания, пробовал воссоздать точную хронологию некоторых событий, например пожара в Соловецком кремле, уничтожившего значительную часть построек, установить достоверность некоторых рассказов, например о барже с заключёнными офицерами, потопленной у берегов Соловецкого острова. Для этой цели он использовал метод сопоставлений повторяющихся рассказов, но оказалось, что буквально ни в одном вопросе мемуаристы не совпадают — касается ли это положения духовенства, количества имён и т.п. Нет единодушия в описании даже такого, казалось бы, ясного сюжета — лагерного театра. Даже историю его существования на основе имеющихся мемуаров не удаётся восстановить сколько-нибудь достоверно.

Оказалось невозможным проверить предание преданием, потому что предание — результат работы коллективной памяти, стремящейся общими усилиями сохранить нечто существенное для целого сообщества, и для тех, кто его передавал из уст в уста, общий смысл оказывался важнее, чем хронологические и фактические подробности.

Что касается «вымыслов» и «параши», которые пытался удалить из соловецких воспоминаний Розанов, то он напрасно тратил усилия. «Вымыслы» и «параши» имеют другую природу, они есть результат работы индивидуального сознания, пытающегося умышленно внедрить в коллективное сознание ложную, но выгодную для себя информацию. Предание защищено от них самой своей природой — оно отторгает всё, что не противоречит главному смыслу, а то, что не противоречит, охотно при-

нимает в свой состав и сохраняет. Как, по слову Е. Баратынского, «предрассудок — ...обломок древней правды», так и легенда возникает не случайно, она несёт в себе коллективный опыт. И потому писатель Борис Ширяев в своей книге о Соловецком лагере «Неугасимая лампада» настаивал на том, что все писали правду, только «менялись времена — менялись люди»¹².

Но предание от этого не становится вымыслом и тем более «парашей», можно привести пример, когда оно оказывается способным опровергнуть то, что пытаются выдать за достоверный рассказ. Именно так произошло с документальным очерком М.Горького «Соловки», написанным в ходе его поездки на остров. Казалось бы, достоверность этого очерка должна быть выше достоверности воспоминаний эков, — Горький посетил лагерь, когда он ещё функционировал в полную силу, писатель пользовался относительной свободой передвижения, мог задавать вопросы, и среди эков нашлись бы отчаянные головы, готовые рассказать ему правду ценой собственной жизни. Но именно *правда* предания и помогает поставить очерку Горького диагноз: «врёт как очевидец».

Писательская установка Горького ясно обозначена, он ставит перед собой задачу показать: на Соловках собраны общественно вредные элементы для перевоспитания и система трудового воспитания отчасти уже достигает своих целей. Вторая его задача — показать, что находящееся там духовенство ни о чём, кроме вина и женщин, не помышляет и этим эксплуататорам не вред поработать. Что же противопоставляют этим установкам легенда и предание? Прежде всего, они выбивают почву из-под ног у тех, кто будет пытаться доказать, будто Горького ввели в заблуждение и сумели показать ему лагерь так, чтобы он и вправду ничего не понял в лагерной жизни. Все предания без исключения, как записанные М.Розановым, так и включённые в «Архипелаг ГУЛаг», сохранили упоминание о том, как готовили лагерь к приезду великого писателя, здесь опыт потёмкинских деревень был учтён лагерным начальством в полной мере. Другой обязательный элемент всех преданий — как ждали сами эки приезда писателя, видя в нём народного заступника, и как принимали меры, чтобы разрушить потёмкинскую деревню, *тухту*. Наконец, как они открыли писателю глаза на истинное положение дел. Методы обнаружения правды во всех преданиях разные: в одних случаях это мальчик, который потом исчезает¹³; в других — заключённые, держащие вверх ногами розданные им по случаю приезда писателя газеты; в третьих — уже в статье М.Агурского, — это заключённая Ю.Н.Данзас, имевшая продолжительную беседу с писателем и раскрывшая ему глаза

на истинное положение вещей¹⁴; в четвёртых — вынырнувший из леса зэк, вручивший свое послание. Но *детали* оказываются не существенными — важен общий смысл, истинное положение вещей обнаружило себя в ходе поездки, зэки не дали втереть очки писателю, ему не удалось не заметить, куда его привезли. Поэтому тот факт, что вопреки всему раскрывшемуся в ходе поездки Горький всё-таки описал лагерь так, как хотели его хозяева, и есть самый страшный приговор его якобы документальному очерку.

Доказать это стремятся все предания, и потому можно сказать, что они не противоречат друг другу — как те, которые о поездке Горького записал Солженицын и включил в «Архипелаг ГУЛаг», так и собранные М.Розановым, М.Агурским и кем-либо ещё. Напротив, попытки биографов Горького в качестве смягчающего обстоятельства привести тот факт, что два чемодана с собранными Горьким материалами были у него похищены, совсем не кажутся «смягчающими обстоятельствами»¹⁵, — дело не в том, что Горький неточно воспроизвёл какие-то события, факты и цифры, а в том, что, увидев концентрационный лагерь, он попытался выдать его за гуманитарное учреждение санаторного типа, что он прошёл мимо величайшей человеческой трагедии. Словом, вместо «Архипелага ГУЛага» написал очерк «Соловки» и использовал свой международный писательский авторитет, чтобы, пусть на короткий период, успокоить общественное мнение. И здесь предание обнаруживает своё превосходство над тем, что пытаются выдать за факт.

Таким образом, правда соловецких преданий — равноправная составляющая «Архипелага ГУЛага», ничуть не менее значимая, чем чисто фактические сведения, которыми пользовался писатель, потому что своими способами сохраняет главный *смысл*, ради которого создавалась эта книга. Часто цитируемые противниками Солженицына слова Н.Решетовской — «энциклопедия лагерного фольклора»¹⁶ ничего в книге не опровергают, Решетовская просто не в состоянии отличить фольклор от пропагандистской *тухты* и «параш». На основе преданий Шлиман раскопал золото Трои, а лагерные легенды способны противостоять писательским фантазиям М. Горького, выдаваемым за документальный очерк.

И главное — осознание особой роли легенд и преданий помогает понять уникальную жанровую природу «Архипелага ГУЛага» как многосоставного по своим источникам *свидетельства* на суде истории, в котором голоса и судьбы безымянных узников соединяются с голосом писателя, чтобы донести до человечества правду об особом материке,

который скрывали за фасадом социалистического рая. Уточнять фактическую сторону существования этого материка — дело историков (и они его успешно выполняют), они также будут востребованы на этом суде, но за пределами главного свидетельства, поскольку дополняют и уточняют его «просветлённый художественно до идеи» смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солженицын против Солженицына. Литературовед и историк Вадим Кожин в беседе с Виктором Кожемяко // Советская Россия. 1998. 3 декабря.

² Новый мир. 1999. № 2. С. 79.

³ Солженицын А.И. Интервью на литературные темы с Н.А.Струве // Вестник РХД. Париж, 1977, № 120, С. 135.

⁴ См.: Маркштайн Э. О повествовательной структуре «Архипелага ГУЛаг» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж. 1993. Вып. 1. С. 91–101.

⁵ См.: Ранчин А.М. «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5/6. С. 26–32.

⁶ Эту задачу очень точно сформулировал А.С.Пушкин устами Пимена:

Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил...
.....
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...

⁷ Солженицын А.И. Собрание сочинений. М., 2000. Т. 5. С. 635.

⁸ Там же. С. 635–636.

⁹ См.: Чирков Ю.И. А было всё так... М., 1991.

¹⁰ Флоренский П. Первые шаги философии // Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 83.

¹¹ Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 годы. Факты. Домыслы. «Параш». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами в двух книгах. Издание автора. 1979–1980. Кн. 1. 1979. С. 8.

¹² Ширавев Б.Н. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 147.

¹³ Происхождение легенды о мальчике наиболее интересно с литературной точки зрения. Наиболее законченный вид она приобрела в соловецких воспоминаниях Д.С.Лихачёва, со слов которого, скорее всего, попала и на страницы «Архипелага ГУЛага». В 1927 году была опубликована первая часть романа Горького «Жизнь Клима Самгина», где содержится ключевой эпизод, ставший затем лейтмотивом всей книги: гибель в проруби Бориса Варравки, которому Клима не успевают протянуть руку. Реакция Клима, которая по смыслу горьковского романа подлежит осуждению, заключена в известной фразе: «А был ли мальчик?» Так вот, в версии Лихачёва этот мотив возникает сам собой и заставляет нас отождествить Горького с Самгиным, с одной стороны. С другой же — беседа с мальчиком и последующее его исчезновение

из лагеря могут иметь очень простое объяснение: Горького во время поездки на Соловки сопровождал Максим Погребельный, который набирал детей для исправительной колонии в Болшеве.

¹⁴ См.: *Агурский М.М.* Горький и Ю.Н.Данзас // *Минувшее: Исторический альманах*, М., 1991. Вып. 5. С. 359–377.

¹⁵ См.: *Чернухина В.Н.* Поездка М.Горького на Соловки (Свидетельства очевидцев) // *Неизвестный Горький. М.Горький и его эпоха. Материалы и исследования*. Вып. 4. М., 1995. С. 124–135.

¹⁶ Эти злобные слова из интервью Н.Решетовской западным корреспондентам цитируются по-разному, поскольку приводятся в обратном переводе.